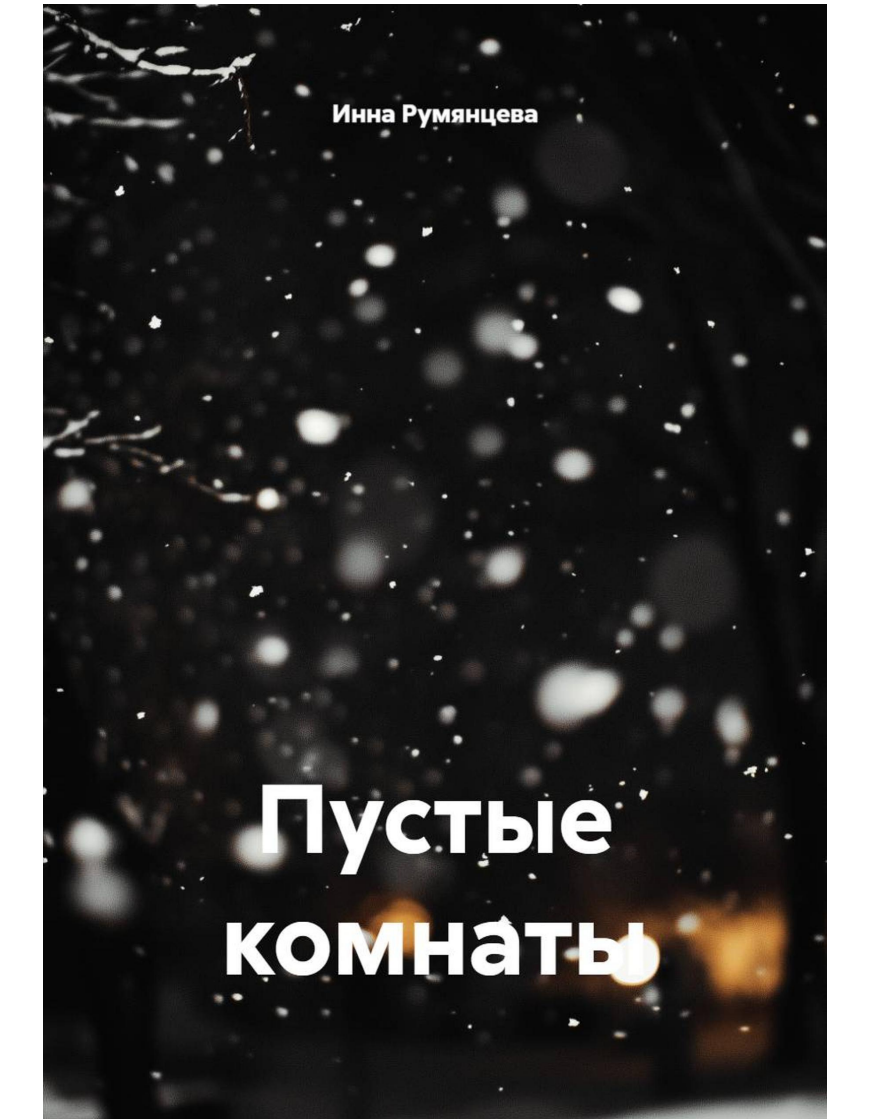

Инна Румянцева

Пустые комнаты

Инна Румянцева

Пустые комнаты

<https://litres.ru/74634042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если ваш самый страшный кошмар — это не выдумка, а забытое воспоминание?

Том Гастингс возвращается в дом своего детства, чтобы разобрать вещи матери. В чулане под лестницей он находит старую черно-белую фотографию. На ней — комната, женщина в цветочном платье, сидящая спиной, и мальчик в пижаме с ковбоями, кричащий от ужаса. Мальчик — он сам в пять лет. Женщина — та, кого не должно существовать.

С каждым часом фотография меняется. Женщина приближается. Ее лицо остается пустым, но оно ищет. Том понимает: то, что он всю жизнь считал детскими страхами, было сделкой. Сделкой, заключенной тридцать лет назад. Сделкой, срок которой истек сегодня. И теперь его нерожденный сын — плата по счету.

Почему стоит прочитать: Для поклонников Стивена Кинга. Ужас, прорастающий из семейной тайны, страх, живущий в старых стенах, и любовь, способная победить даже абсолютную пустоту. Атмосферный хоррор о силе памяти и правды перед лицом забвения.

Инна Румянцева

Пустые комнаты

АННОТАЦИЯ

Что, если ваш самый страшный кошмар — это не выдумка, а забытое воспоминание?

Том Гастингс возвращается в дом своего детства, чтобы разобрать вещи матери, переехавшей в дом престарелых. В чулане под лестницей он находит старую черно-белую фотографию. На ней — комната, женщина в цветочном платье, сидящая спиной, и мальчик в пижаме с ковбоями, кричащий от ужаса. Мальчик — он сам в пять лет. Женщина — та, кого не должно существовать.

С каждым часом фотография меняется. Женщина приближается. Ее лицо остается пустым, но оно ищет. Том понимает: то, что он всю жизнь считал детскими страхами, было сделкой. Сделкой, заключенной тридцать лет назад. Сделкой, срок которой истек сегодня.

С помощью старого маляра Фрэнка Картера, знающего о доме больше, чем говорит, Тому предстоит спуститься в

подвал собственной памяти, вспомнить погибшую сестру и разорвать договор с сущностью, которая носит лица мертвых и питается будущим. Потому что плата по сделке — не его жизнь. Плата — его нерожденный сын.

«Пустые комнаты» — роман в лучших традициях Стивена Кинга: ужас, прорастающий из семейной тайны, страх, живущий в старых стенах, и любовь, способная победить даже абсолютную пустоту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая: Дыра в форме человека

- Глава 1. Фотография, которой не должно быть
- Глава 2. Частота 108.0 FM
- Глава 3. Фрэнк Картер и лампа-вспышка
- Глава 4. Голос на магнитной ленте
- Глава 5. «Она хочет мою кожу»

Часть вторая: День, когда остановилось время

- Глава 6. Торт с пятью свечами
- Глава 7. Игра в прятки

- Глава 8. Сделка ценой в жизнь
- Глава 9. Пожар в доме Гастингсов
- Глава 10. То, что осталось в стене

Часть третья: Дом зеркал

- Глава 11. Ребенок, который не дышит
- Глава 12. Красная ванна
- Глава 13. Навсегда моё
- Глава 14. Фрэнк знает выход
- Глава 15. Шкатулка с глазом

Часть четвертая: В доме пустых лиц

- Глава 16. То, что осталось от сестры
- Глава 17. В чулане времени
- Глава 18. Госпожа Пустота
- Глава 19. Последняя сделка
- Глава 20. Сад

Эпилог: Сад Розы

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЕВ

Том Гастингс — главный герой, 35 лет. Успешный архитектор, человек рационального склада ума, привыкший, что у каждой проблемы есть решение, а у каждой стены — чертеж. Внешне собран и спокоен, но внутри несет незаживающую рану детской потери, которую сам не помнит. Его арка — от отрицания и скепсиса к принятию страшной правды и готовности пожертвовать собой ради семьи. В финале обретает не победу над злом, а примирение с прошлым, что в мире Кинга ценнее.

Сара Гастингс — жена Тома, 32 года, на девятом месяце беременности. Мягкая, интуитивная, с тонкой душевной организацией. Именно через ее связь с нерожденным ребенком Госпожа Пустота пытается проникнуть в мир. Ее уязвимость — не слабость, а ключевая точка напряжения всего романа. В критический момент проявляет неожиданную стойкость, отказываясь отдать свое лицо.

Фрэнк Картер — «ходячая рана», экзорцист поневоле, маляр-алкоголик с даром видеть «психические остатки» в старых домах. Ему под шестьдесят. Ветеран, потерявший семью при обстоятельствах, о которых он не говорит. Его функция в романе — классический кинговский проводник: мудрый, сломленный, знающий о тьме больше, чем хотелось бы. Вооружен не святой водой, а прожектором, дробовиком и аналоговым диктофоном. Его философия: «Современная циф-

ра не ловит их сигнал. Они живут в шуме и зерне».

Элис Гастингс — мать Тома, 78 лет. Бывшая школьная учительница, ныне — пациентка с деменцией. Именно она совершила главный поступок тридцать лет назад: подожгла дом, чтобы уничтожить тело дочери, одержимой сущностью. Носит в себе чудовищное бремя вины и тайны. Ее рассудок разрушен не только болезнью, но и десятилетиями сокрытия правды. В моменты просветления говорит цитатами из Библии и старых стихов. Ее смерть в середине романа — эмоциональный центр всей истории.

Рози Гастингс — погибшая сестра Тома. На момент смерти — семь лет. Светловолосая, с даром видеть потустороннее. Стала жертвой Госпожи Пустоты, будучи слишком открытой и доверчивой. Ее душа тридцать лет удерживала сущность в чулане, не давая ей вырваться в мир. Трагическая фигура: не злодей и не жертва в чистом виде, а ребенок, который заблудился в темноте и стал стражем на границе миров. Ее прощальные слова — эмоциональная кульминация романа.

Госпожа Пустота — антагонист. Древняя сущность, паразитирующая на семейных родах. Не имеет собственного лица, поэтому коллекционирует чужие, поглощая личности своих жертв. Обитает в «карманах» времени — местах,

где реальность истончилась. Ее главное оружие — не физическое насилие, а сделки, заключенные с детьми, которые не понимают условий. Питается будущим: нерожденными детьми, нереализованными возможностями, надеждами. Ее слабость — свет правды и искренняя любовь, которую она не способна понять, а потому боится.

ТЕМА РОМАНА

Основная тема: сила памяти и правды перед лицом забвения и тьмы.

Роман исследует природу страха, укорененного в семейных тайнах. Это история о том, как непроговоренная боль становится чудовищем, пожирающим поколение за поколением, и о том, что единственный способ разорвать этот круг — вспомнить и назвать вещи своими именами.

Дополнительные темы:

- Детская травма и ее последствия. Пятилетний Том заключил сделку, не понимая ее смысла, и это определило всю его жизнь.
- Материнская жертвенность. Элис сжигает собственный

дом и одержимую дочь, чтобы спасти сына. Это поступок, который одновременно и акт любви, и источник вечной вины.

· Природа зла. Госпожа Пустота — не демон в библейском смысле, а паразит, питающийся человеческими эмоциями и временем. Зло здесь безлико, потому что оно — ничто, отсутствие.

· Искупление через память. Том спасает семью не оружием, а воспоминанием и прощением.

О ЧЕМ РОМАН

«Пустые комнаты» — это многослойный хоррор о возвращении в дом детства, где под слоями пыли и старых газет скрывается не просто семейная тайна, а врата в иное измерение. Это история о сделке, заключенной пятилетним мальчиком с существом, у которого нет лица, и о том, как тридцать лет спустя эта сделка угрожает его беременной жене и нерожденному сыну.

На первом плане — классический сюжет о доме с привидениями, но привидение здесь не просто дух, а сущность, живущая в самой ткани времени. На втором плане — психологическая драма о разрушенной семье, о матери, которая

пожертвовала дочерью ради спасения сына, и о брате, который забыл сестру, чтобы выжить.

Роман балансирует между жанрами: мистический хоррор перетекает в семейную сагу, а та — в триллер о гонке со временем, где ставки растут с каждой главой. Финал смещает фокус с ужаса на катарсис: зло не уничтожено, но заперто ценой искупительной жертвы, а любовь оказывается сильнее пустоты.

ПОСЫЛ

Главный посыл романа: То, что мы забываем, не исчезает. Оно ждет в темноте, пока мы наберемся смелости вспомнить.

«Пустые комнаты» говорят о том, что ужас не всегда приходит извне. Чаще всего он рождается внутри семьи, внутри памяти, внутри непроговоренных слов. Зло в романе — это не рогатый монстр, а пустота, которая заполняет пространство там, где должны быть любовь, правда и прощение.

Второй важный посыл: жертва имеет смысл, когда она осознанна. Элис жертвует дочерью в отчаянии и потом трид-

цать лет живет с чувством вины. Роза жертвует собой добровольно и тем самым обретает покой. Разница между этими двумя жертвами — главный этический нерв романа.

Третий посыл: дети уязвимы перед тьмой, потому что они открыты миру. Сделка Тома в пять лет — метафора детской травмы, которая настигает человека во взрослом возрасте, обрастая новыми смыслами и угрозами. Исцеление возможно только через возвращение к источнику боли и переосмысление его с позиции взрослого.

В конечном счете «Пустые комнаты» — роман не о смерти, а о жизни. О том, что сад можно вырастить даже на пепелище. О том, что мертвые живы, пока мы их помним. И о том, что у каждой пустоты есть шанс стать садом.

ПУСТЫЕ КОМНАТЫ

Роман

Посвящается тем, кого мы забыли,
и тем, кто помнит нас,
несмотря ни на что.

Часть первая: ДЫРА В ФОРМЕ ЧЕЛОВЕКА

«Самые страшные места — те, что мы помним неправильно».

— Из дневника Элис Гастингс, 1994 г.

Глава 1. Фотография, которой не должно быть

Томас Гастингс не верил в призраков. Он верил в несущие балки, в *tensile strength*, в правильно составленную смету. Ему было тридцать пять, он владел небольшой архитектурной фирмой в Портленде и носил очки в тонкой титановой оправе, которые стоили больше, чем его первый автомобиль. Жизнь его была аккуратной, как чертеж: работа, жена Сара, ипотека, планы на ребенка. Никакой мистики. Никакой тьмы.

Поэтому, когда его мать, Элис, окончательно сдала позиции в войне с болезнью Альцгеймера и переехала в «Сиреневые Холмы» (бетонная коробка с видом на парковку, которую язык не поворачивался назвать домом престарелых), Том воспринял уборку старого дома как инженерную зада-

чу. Разобрать, рассортировать, выбросить. Освободить площадь. Подготовить к продаже.

Дом находился в городке Милфорд, штат Мэн, в четырех часах езды от Портленда. Том не был здесь пятнадцать лет.

Он припарковал свой «Вольво» у покосившегося почтового ящика с фамилией «Гастингс», выцветшей до бледно-голубого, и заглушил двигатель. Дом смотрел на него пустыми окнами. Каркасный, двухэтажный, построенный еще прадедом в 1920-х, он скрипел и стонал под ветром, как больной артритом старик. Краска на фасаде пошла пузырями и отслаивалась, обнажая серое дерево-временку. Лужайка заросла одуванчиками. На заднем дворе ржавел остов старого «Шевроле», на котором отец учил его водить. Отец умер, когда Тому было девять. Сердечный приступ, сказала мать. Быстро и без мучений.

Ключ все еще подходил к замку. Дверь открылась с протяжным, жалобным скрипом, и на Тома пахнуло запахом его детства. Нафталин. Лаванда. Старая бумага. И что-то еще — сладковатое, приторное, что он не смог опознать. Словно кто-то пролил кленовый сироп и дал ему протухнуть.

— Ну что ж, — сказал он вслух, просто чтобы услышать человеческий голос в этой гулкой тишине. — Приступим.

Он начал с гостиной. Старая мебель, накрытая простынями, напоминала призраков. Пианино, на котором мать играла «К Элизе», треснуло и фальшивило. Книжные полки ломились от пожелтевших детективов в мягких обложках. Том методично сбрасывал все в черные пластиковые мешки. Никакой сентиментальности. Архитектор внутри него требовал расчистить площадку.

К полудню он добрался до чулана под лестницей.

Это была узкая, треугольная каморка, куда в детстве его посылали за банками с вареньем. Он ненавидел ее. Ненавидел запах сырой штукатурки и темноту, которая казалась слишком густой для такого маленького помещения. Взрослый Том усмехнулся детским страхам и решительно потянул дверную ручку.

Дверь не поддавалась.

Он дернул сильнее. Ручка холодила ладонь. Наконец с третьего рывка дверь распахнулась, и из чулана выкатилась волна холодного воздуха — неестественно холодного для середины октября. Пахло гарью и жженым сахаром. Тот самый запах, усиленный десятикратно.

Внутри было темно, хоть глаз выколи. Том посветил фонариком телефона. Луч выхватил штабеля старых коробок, сломанную прялку, кипу журналов «Ридерз Дайджест» за 1980-е. И на самом верху одной из коробок, словно специально выставленная на обозрение, лежала фотография.

Черно-белая. Восемь на десять дюймов. Плотная фотобумага с волнистым краем — такие печатали в пятидесятых.

Том поднес ее к свету.

На снимке была та самая гостиная, в которой он стоял час назад. Диван с деревянными подлокотниками. Торшер с бахромой. Тяжелые бархатные шторы. И кресло. В кресле сидела женщина. Она была повернута спиной к объективу. Высокая прическа, платье в мелкий цветочек — такие носили домохозяйки в эпоху Эйзенхауэра. Лица не видно.

Том перевернул фотографию. На обороте выцветшими чернилами было выведено одно слово, и от этого слова у него почему-то похолодели пальцы.

«Наблюдательница».

— Глупость какая, — пробормотал он и сунул снимок в коробку с пометкой «Разобрать позже».

К пяти вечера за окном сгустились ранние осенние сумерки. Том заварил растворимый кофе на кухне и устало опустился на табурет. Дождь барабанил по крыше — мелкий, противный, типичный мэнский дождь, способный лить неделями без перерыва. Том достал телефон, чтобы позвонить Саре, но сигнала не было. Странно. Обычно здесь ловило отлично.

Он отхлебнул кофе и бросил взгляд в коридор.

Ему показалось? Или там что-то мелькнуло? Светлое пятно. Словно кто-то в цветочном платье быстро отступил за угол.

— Нервы, Томми, — сказал он вслух, подражая интонациям матери.

Допив кофе, он решил еще раз просмотреть коробку «Разобрать позже» и, возможно, выбросить ту фотографию к чертям собачьим. Но когда он вошел в гостиную, то замер на месте.

Коробка стояла на полу, но фотография лежала сверху. Он точно помнил, что клал ее внутрь, под старые альбомы.

Он поднял снимок и посмотрел на него.

Женщина на фотографии больше не сидела спиной. Она стояла посреди комнаты, лицом к объективу.

Том выронил снимок, как будто тот обжег ему пальцы. Сердце заколотилось где-то в горле. Он заставил себя поднять фотографию снова. Всмотрелся.

Лицо женщины было смазанным, не в фокусе. Как будто она двигалась в момент съемки, повернула голову слишком резко, и камера не успела схватить фокус. Но платье — то самое, в цветочек. И поза — неестественно прямая. Как у манекена. Или у мертвеца, которого поставили вертикально.

И еще одна деталь. В левом углу снимка, которого он раньше не заметил, стоял ребенок. Мальчик лет пяти. В пижаме с ковбоями.

У Тома перехватило дыхание. Его пижама. Та, с красным всадником и лассо, которую он обожал в детстве и категорически отказывался снимать даже на ночь.

Но страшнее всего было лицо мальчика. Оно было кристально четким, в отличие от лица женщины. И оно было искажено гримасой абсолютного, леденящего душу ужаса. Рот

открыт в беззвучном крике. Глаза широко распахнуты. Он смотрел прямо в камеру — прямо на взрослого Тома — и кричал.

Том отшвырнул фотографию на пол. Его руки дрожали. В висках стучало.

— Этого не может быть, — прошептал он. — Это фото-монтаж. Это шутка. Этого. Не. Может. Быть.

Свет в гостиной мигнул. Раз. Другой. На лестнице раздался звук. Не скрип оседающего дерева — Том был архитектором и знал, как звучат старые дома. Это был отчетливый, ритмичный звук шагов. Шлеп-шлеп-шлеп. Босые ноги по голым ступеням. Сверху вниз.

Том не помнил, как выбежал из дома. Не помнил, как заводил машину. Очнулся он уже на шоссе, вжимая педаль газа в пол, с мокрым от дождя лицом и единственной мыслью, пульсирующей в мозгу:

Мальчик на фото — это я. И я знаю, что случилось потом.

Но он не знал. Он не помнил. И это пугало больше всего.

Глава 2. Частота 108.0 FM

Мотель «Сосны» стоял на отшибе, в трех милях от центра Милфорда. Два десятка обшарпанных домиков, выстроившихся буквой «П» вокруг заросшего травой двора. Неоновая вывеска мигала, и буква «С» давно перегорела, так что получалось «Осны». Впрочем, Тому было плевать. Ему нужно было место, где можно запереть дверь и попытаться убедить себя, что он не сошел с ума.

Он сидел на скрипучей кровати, уставившись в стену, и прокручивал в голове события последних часов. Фотография. Меняющаяся поза. Шаги на лестнице. Его детское лицо, искаженное криком.

Он позвонил Саре. На этот раз сигнал прошел.

— Том? Ты где? Я волновалась! — ее голос, теплый и встревоженный, на секунду вернул его в реальность.

— Все нормально, — соврал он. — Просто уборка затянулась. Ты как?

— Малыш толкается. Как футболист. Мне кажется, он хочет наружу прямо сейчас.

Сара была на девятом месяце. Еще две недели — и они станут родителями. При этой мысли Том почувствовал укол вины. Он должен быть рядом с ней, а не гоняться за призраками в доме своего детства.

— Я скоро приеду, — пообещал он. — Осталось разобрать пару коробок.

— Том? — голос Сары стал серьезным. — С тобой точно все в порядке? Ты какой-то... странный.

— Все хорошо. Люблю тебя.

— И я тебя.

Он положил трубку и уставился в потолок. Спать не хотелось. Есть тоже. Он включил телевизор — помехи. Радиоприемник на тумбочке — старая, допотопная модель с аналоговой шкалой, которую держали в мотелях для антуража. Том машинально покрутил колесико настройки. Белый шум. Обрывок кантри. Снова шум.

А потом он услышал это.

Сквозь треск помех пробивался голос. Тихий, монотон-

ный. Детский голос.

«...папа... папа, почему ты не пришел?.. тут темно... и мама плачет...»

Том резко сел на кровати. Его пальцы сжали приемник так, что побелели костяшки.

«...она не хочет давать мне свое лицо... но оно мне нужно... папа...»

Частота была 108.0 FM. Том запомнил это навсегда.

Голос прервался. Снова белый шум. А потом — другой голос. Низкий, женский, идущий словно с огромного расстояния, как радиоволна из-за океана.

«Том-ми... Том-ми... я жду. Срок истек. Ты обещал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.